

**Особенности языка памятников
деловой письменности московской руси
(на материале явочных челобитных XVII века)**

**Language structure of submission petitions
of the 17th century**

Елена Чащина

Institute of Linguistics, Adam Mickiewicz University
ul. Międzychodzka 5, 60-371 Poznań, POLAND

Abstract

The article presents the language structure of petitions of the 17th century and analyses structural and formal features of these documents. A special attention is given to the analyses of standardized documents included in the beginning and the end of the document (entitling, vassalage, petitioning formulas, etc.) The informative part includes the description of thrashings, robberies etc, and the formulas and collocations are also showed there up. But considerable attention is given to the analyses of the folk-and-spoken language elements the use of which results from the specific reasons including the conditions of the informative and psychological features, etc.

Деловая письменность занимает особое место в решении многих задач, связанных с изучением процесса становления и развития русского литературного языка нового типа. Возрастающая роль приказного делопроизводства в период XVI – XVII веков, а следовательно, все более расширяющаяся сфера применения делового языка обусловили огромное жанровое и функциональное разнообразие деловой письменности. В связи с этим возникает настоятельная необходимость дифференцированного подхода к исследованию конкретных видов деловых памятников, так как в них в разной степени находят отражение те или иные лексические, грамматические элементы книжно-письменного и народно-разговорного языка.

Особый интерес в этом отношении вызывают явочные челобитные, отличающиеся разнообразным содержанием и языковым составом. Рассмотрим особенности структуры и языка этих документов.

Характерной особенностью этих деловых текстов является рамочное расположение стандартизованных элементов, входящих, как правило в состав начала и конца документа. В связи с этим обстоятельством исследователи противопоставляют лексику, составляющую формуляр документа, лексике, которая раскрывает содержание акта. [Волков 1972: 10]

Внутриформулярная часть челобитных нередко представляет собой живой рассказ о различных событиях, обстоятельствах и фактах.

В структуре явочных челобитных выделяются три части: I. начальный протокол, содержащий 1) формулу общения к адресату (кому): *Царю государю и великому князю...*, 2) формулу челобитья: *бьет челом и являет*, 3) сведения об адресате: *сирота твой...*, *холоп твой и т.д ...* 4) указание на то лицо, на которое челобитник обращается с жалобой: *на ... в таковѣ дѣлѣ...* II. основная (казусная) часть, в которой излагались обстоятельства дела, мотивы и основания обращения с жалобой. III. просительная часть: *милосердный государь царь и великий князь...пожалуй меня холопа своего, вели, государь, мое челобитье и явку записать*; IV. конечный протокол: *царь государь, смилуйся, пожалуй*.

В качестве примера приведем один из документов, явку в Холмогорскую таможенную избу куростровца Фомы Ушакова на Матфея Окулова в бое и издевательствах над ним в Яковлевской трапезе (в сокращении):

I. 1. *Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу*

I. 2. *бьетъ челомъ и являетъ*

I. 3. *сирота твой Куростровской волости Фомка Павловъ Ушаковъ*

I. 4. *Курцовского посаду на Матѣя Митрофанова Окулова.*

II. *Въ нынѣшнемъ, государь, во 182 году, іюля въ 31 день, будучи на Городкѣ въ Яковлевской трапезѣ билъ онъ Матѣей меня, сироту твоего, и увѣчилъ нахвально...*

III. *Милосердный государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, на Колмогорахъ таможенном избы головѣ Дорошею Мелцову съ товарищи челобитье мое принять и записать.*

IV. *Царь государь, смилуйся, пожалуй.* [АХУ, II 1674: 439-440].

Аналогичный состав встречается не во всех документах. Какие-либо из составляющих его частей могут отсутствовать, могут содержаться и другие. Кроме того, можно отметить вариативность конструкций, передающих то или иное содержание.

В начальном протоколе северновеликорусских явочных челобитных XVI – XVII в.в. использовались конструкции с расположением временного детерминанта в инициальной позиции: *Лѣта 7142, іюня в 5 день бьетъ челомъ и являетъ Митрошка Моисеевъ ... на Онанью Шамиурнищина да на Парасью Менишкову дочь на Рожневу Шведеницкіе волости в таковѣ, господине, дѣлѣ* [АХУ, II 1634: 719, 439-440]. Аналогичные конструкции с временным детерминантом *лета...* были характерны для документов других видов (грамот, памятей и т.п.). Именно такой типичный зачин оказал влияние на оформление начального протокола челобитных. Позднее, со II трети XVII века, в документах данного вида используется формула *царю государю и великому князю...бьет челом и являет*. Такая формула становится общепринятой, и иное оформление начального протокола встречается крайне редко.

Формула адресата содержит собственное имя того лица, к которому обращается челобитчик, а также его титулы. Состав царского титула в челобитных разных видов не был единообразным на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Как отмечает С.С. Волков, формула титулования содержит элементы, различные по времени своего возникновения и отражает основные этапы развития верховной власти на Руси [Волков 1972: 32]. Так, до середины 80-х годов XVI века царский титул имеет следующий вид:

Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси. Приведем примеры такого титулования: Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии [АЮБ, III, № 367, 1569]; Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии [АЮБ, III, № 367, 1584]. С середины 80-х годов, как указывает автор, порядок слов в начале царского титула меняется и принимает следующий вид: Царю государю Федору Ивановичю всеа Руси. Именно такой порядок начальных элементов сохраняется и в XVII веке (В противовес широко употребительному в то время наименованию в воеводских отписках: Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси...). Например: Царю гсдрю и великомъ кнзю Михайлѣ Федоровичю всеа Рѣси [МДБП, № 1-30, 1617-1638; АЮБ, III, №369, 1640]; Црю гсдрю и великому князю Алекѣю Михайловичю всеа Рѣсии [МДБП, № 34, 1645]. Причиной дальнейшего видоизменения титула послужило воссоединение Украины с Россией, и составная часть титула «всеа Русии» заменяется на «всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержец»: Црю гсдрю и великому князю Алексию Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу [МДБП, № 53-101, № 97, 1656-1675]; Црю гсдрю и великому кнзю Феидору Алекѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу [МДБП, № 102-114, 1676-1681]; Цремъ гсдремъ великимъ кнзем Иоанни Алекѣвичю Петрѣ Алекѣвичю всеа великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцемъ [ГААО, ф. 191, оп.2, № 235, 1683]. С середины 80-х годов XVII века начальные элементы царского титула дополняются вновь появившимся определением великий, что было, видимо, обусловлено укреплением самодержавной власти [Волков 1972: 32-33]. Например: Великомъ гсдрю црю і великомъ кнзю Петрѣ Алекѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцем [ГААО, ф. 191, оп.3, № 211, 1697; ф. 57, оп.2, № 390, 1697]; Великимъ гсдремъ цремъ і великимъ кнземъ Иоаннѣ Алекѣвичю Петрѣ Алекѣвичю всеа Великия Малыя і Бѣлыя Росии самодержцемъ [ГААО, ф. 191, оп.3, № 194, 1695; ф. 57, оп.2, т.І. № 381, 1695; АИ, V, № 209]; Титул царицы мог иметь такой вид: Гсдрне црце вѣликой княгинѣ Евдакѣ Лѣкньяновнѣ [МДБП, № 37, 1641]. Но традиционным элементом титула царицы было прилагательное благоверный: Гсдрне блговѣрной црце и великой кнзине Евдакѣ Лук(ья)новнѣ [МДБП, № 31, 1638]; Великимъ гсдремъ цремъ и великимъ кнземъ Иоанну Алекѣвичю Петрѣ Алекѣвичю и великой гсдрне блговѣрной црвне и великой кнзине Соѣи Алеѣвне всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росии самодержцем [МДБП, № 129, 1688].

В явочных челобитных в состав начального протокола, после указания адресата входит формула челобитья, представляющая собой сочетание бьет челом и являет с указанием имени челобитчика (или группы челобитчиков) и сообщением некоторых данных о нём (или о них): Царю государю і великому князю Михайлу Фёдоровичю всеа Руси бьютъ челомъ и являютъ сироты твои государевы Устюжского уѣзда Шолские волости крестьяне Девятка да Володка Федовы дѣти, да Сергушка Дмитревъ сынъ, да Матюшка Ульяновъ сынъ Момотовы. После чего следует казусная часть челобитной: Въ нынешнемъ, государь,... [АХУ, 3, №96, 1632]. В некоторых случаях в формуле челобитья используется и глагол плачется. Тогда эта формула выглядит так: бьет челом и плачется и являет... . Например: ...бьетъчеломъ и плачется и являетъ сирота твоя государева Мишка Карповъ сынъ Новинского... [АХУ, III, № 238, 1663], бьютъ челомъ плачются и являютъ твои государевы богомолцы нищие чернцы... [АХУ, 3, № 57, 1628].

Названию имени челобитчика предшествует формула, выражающая вассальные отношения челобитчика к тому лицу, которому адресован документ. Такого рода формулы использовались в соответствии с тем социальным положением, которое занимал челобитчик.

Так, у служилых людей разных сословий использовалась формула *холоп твой (ваш)*, у крестьян – *сирота твой (ваш)*, *раба (сирота) твоя (ваша)* – у женщин, священнослужители использовали формулу *богомалец твой (ваш)*, *богомалица твоя (ваша)* [Волков 1972: 44].

Формулы вассальной зависимости могли дополняться согласованными и несогласованными определениями, указывающими на то лицо, чьим поданным челобитчик является. Это могли быть прилагательные *государев*, *царский*, а также *твой святительский*, если речь идет о лице духовного звания: *бьють челомъ и плачютца твоя Государева сирота Соли Камской староста Васка Елестѣвъ сынъ Александровъ и во всѣхъ земскихъ посадскихъ и деревенскихъ крестьянъ мѣсто* [АИ, II 230, 1609]; *бьет челом и являет твой святительской богомалецъ Ляменскихъ починковъ попъ Черепонтъ Ивановъ* [АХУ, III 215, 1658].

Челобитные эпохи смутного времени и междуцарствия, адресованные боярам и воеводам, не содержат многих элементов уничижительного характера, в том числе и формул вассальной зависимости. В челобитной монастырского крестьянина название адресата звучит так: *бьет челомъ и плачется Вяжитцкого монастыря крестьянинецъ Толвуйскія волости Муратко Семеновъ Пустинь* [АЮ, 34, 1611]. Встречаются документы, где при полном отсутствии средств уничижительного характера даже имя собственное указывается в полной форме: *Великіе Російскіе державы Московского государства бояромъ и воеводамъ бьет челомъ и являет вдова Анна Оюнасьева жена Плохова Суздальского уезду* [АЮ, 50, 1613].

Начальный протокол явочных челобитных содержит и указание на тех лиц, на которых жалуется челобитчик, вследствие чего формула челобитья дополняется предлогом *на*: *бьёт челом и являет...на...*, далее следует фиксация имени конкретного лица (лиц) и нередко определенной информации о них. Например: *Царю государю і великому князю Михайлу Фёдоровичю всея Руси бьють челомъ и являютъ твои государевы нищие богомолцы Устюга Великого Троецкого монастыря з Гледѣна игумень Иона з братьею Устюга жь Великого Архангилского монастыря на архимарита Паюнутья з братьею* [АХУ, 3, № 137, 1636].

Кроме того, указанная выше формула нередко дополняется сочетанием *в том...*, которое позволяет перейти к изложению обстоятельств дела, например: *Царю государю і великому князю Михайлу Федоровичю всея Руси бьет челомъ и являет сирота твой государевъ Устюжанинъ Богдашка Микиооровъ сынъ Прянишиниковъ кузнецъ на Устюжескихъ на посадцихъ земскихъ судей на Оюнасья Иванова сына котелника съ товарищи въ томъ:...* (Далее следует казусная часть документа). [АХУ, 3, № 49, 1627].

В некоторых случаях с этой целью используется сочетание *в таковѣ дѣле...*. Например: *Царю государю і великому князю Михайлу Федоровичю всея Руси бьет челомъ и являет сирота твой государевъ Устюжеского уѣзда Митрополя стану крестьянинъ Оилка Григорьевъ сынъ Рожковской на брата своего родного на Терентья Григорьева сына Рожковского жь въ таковѣ дѣле...* (АХУ, 3, № 167, 1639, там же № 57, 1628, № 60, 1628, № 126, 1634). И только в одном случае зафиксировано сочетание *о томъ*: ... *бьетъ челомъ и являет сирота твой Черевковской волости крестьянинъ Гришка Щепинъ тое жь волости на Иванна Харитонова сына Ступина о томъ...* [АХУ, 3, № 118, 1633].

В документах данного вида, содержащих жалобу на того или иного человека или группу людей, совершивших какие – либо противоправные действия (грабёж, насилие и т.д.), челобитчики при сообщении данного обстоятельства и при назывании конкретных лиц, как

правило, воздерживаются от каких-нибудь определений и эпитетов негативного характера, они указывают только на место жительства и социальное положение, то есть на те сведения, которые формально являются необходимыми. Так в челобитной Томила Телминова на Михайла Стрижева, ограбившего его, читаем: *...бьет челомъ и являет сирота твой государевъ... на Михайла Иванова сына Стрижева, на Устюжанина на посадково челоука Халеской волости крестьянинъ Томилко Ярао евъ сынъ Телминовъ...* И далее в тексте: *Въ прошломъ, государь, во 134-омъ году, о Петрове заговейне, стоялъ я Томилко у того Михайла на Устюге Великомъ на подворье, и тотъ, государь, Михайло меня покраль...* (перечисляются все пропавшие вещи). Такое оформление можно охарактеризовать как нейтральное. Но оно не всегда бывает таким. Нередко уже в состав начального протокола вводятся определения и однородные дополнения, которые характеризуют человека и совершенные им действия и в определённой степени являются оценочными. С этой точки зрения обращают внимание на себя следующие фрагменты: *бьетъ челомъ и являет ...на сильныхъ людей на Ивана Дмитриева Зорина, на Ивана Кашеѣдова, на Игнатъя Нагихъ.* [АХУ, III, № 242, 1665], *... бьет челом и являет сирота твоя ... на Устюжанина на сильного челоука на грабетчика на Кондратъя Прокопьева сына Каренгина, прозвищемъ на Шероха* [АХУ, №86, 1631], *бьет челомъ и являет... на убойцовъ Устюга Великого Сухонсково стану на Максима Аонасьевича сына Серебренникова деревни Шемякиной съ товарищи* [АХУ, № 79, 1641], *бьетъ челомъ и являет ...тое жъ Пермгорские волости на поклептиковъ и заговорщиковъ и ложныхъ челобитчиковъ на Пьянка Григорьева сына Ушакова да на Томила Тимофѣева сына Маркова... и иныхъ заговорщиковъ въ томъ...* [АХУ, III, № 154, 1637]. В челобитной Устюжского крестьянина, сообщающего о поджоге, имена обидчиков обозначены нейтрально, но при этом используются специальные термины для называния группы людей, участвовавших в этом: *... бьетъ челомъ сирота твой... того же стану на Тита Устинова да на племянника его на Луку Ѳомина сына, да на...і на ихъ потаковщиковъ і на заговорщиковъ, и на ставчиковъ* [АХУ, III, № 103, 1632]. Примерно тоже находим в другом документе: *являемъ государь, тоѣ же волости на Обакумка Тарасова сына з детми, на ихъ родъ и на заговорщиковъ* [АХУ, 140, 1637].

В некоторых документах в начальном протоколе подчёркивается факт известности лиц, которые совершили незаконные противоправные действия. Так, в челобитной таможенного головы на Куму Бушуева с товарищами, обвиняемых в убийстве и грабеже, в начальном протоколе читаем: *... бьетъ челомъ и являет ... на вѣдомыхъ воровъ на Коземку Бушуева съ товарищи.* И далее в тексте при назывании имени преступников обязательно присутствует существительное *воры*: *В нынѣшнемъ, государь, 168-омъ году, февраля противъ 17 числа въ ночь, приѣзжали онѣ воры Коземка Бушуевъ, съ товарищи къ намъ сиротамъ твоимъ въ деревню Подозерье воровски, разбоемъ.... А тѣ вѣдомые воры Коземка съ товарищи приведены были на Устюгъ въ съѣзжую избу...* [АХУ, III, № 229, 1660]. Если же воры были неведомые, то указание на этих лиц в начальном протоколе может отсутствовать. Данная часть документа предстает в сокращённом виде. Например: *Царю государю і великому князю Алексѣю Михайловичю всея Великия Малыя і Бѣлыя Росси самодержцу, бьютъ челомъ являют сироты твои Утмановские волости крестьяне Иванко Емельяновъ да Мартемьянко Михайловъ Котелниковы.* Далее сразу же следует казусная часть: *Въ нынешномъ, государь, во 169-мъ году, марта противъ дватцать седмаго числа въ ночь,*

невѣдомые воры ... зъ онбары дверми вывезли сѣмянного овса мѣръ з дватцать... [АХУ, 3, № 231, 1661].

В казусном разделе челобитной содержатся следующие части:

1) изложение жалобы челобитчика на какое-то лицо, подробное описание совершенных им действий (нанесение обид, оскорблений, увечий и других противозаконных действий);

2) сообщения об угрозах обидчика: *да и впредь тот ...хвалится (похваляется) на меня + существительное творительного падежа (убийством, поклепом, татьбою, пожегом и т.п.);*

3) предупреждение о возможном исполнении угроз: *и будет мне случится смерть (поклеп, продажа) и те люди убойцы и супостаты.*

Рассмотрим более подробно языковой состав казусного раздела челобитной. Изложение жалобы челобитчиком традиционно открывается указанием даты: *В прошлом, государь, во 153-м году привезли мы в Шую сто тринадцать рогож соли* [КЧ, 3]; *В нынѣшнем, государь, во 134-мъ году июля противъ 12-го числа въ ночи, покрали, государь, у меня Гришки лавку* [АХУ, III 8, 1626]. *В нынешнем, государь, во 136-м году марта в 16 день приезжал я в Шую торговать и взошел я к ним на кабак испить* [КЧ, 3]. Но нередко в явочных челобитных фиксируется не цифровое обозначение даты, а называются наиболее важные даты религиозного календаря. *В нынешнем, государь, во 136-м году в первое воскресенье великого поста приезжал, государь, я в Шую с хлебом торговать* [КЧ, 8]; *В прошломъ, государь, во 134-мъ году, о Петрове заговейне, стоялъ я Томилко у того Михайла ... на подворье лавку* [АХУ, III 4, 1626]. *В нынѣшномъ, государь, во 136-мъ году, уговѣвъ Петрова посту недѣлю, съ суботы противъ воскресенія въ ночь сожгли, государь, ... нашу монастырскую мельницу* [АХУ, III 53, 1628]; *В нынѣшнемъ, государь, въ 134-мъ году, после Велика дни Христова, въ Мироносицкую недѣлю, збежала, государь, у меня з двора сноха моя* [АХУ, III 5, 1626]; *В нынѣшномъ, государь, во 135-мъ году, после Покрова Святой Богородицы, былъ язъ старецъ Архипъ...* [АХУ, III 33, 1627].

В некоторых документах изложение обстоятельств дела начиналось глаголом *дѣялось*: *Дѣялось, господине, лѣта 7087, в Лазарево воскресеніе, послѣ обиднѣй, звалъ меня, господине, на пиръ Пороша Василивъ сынъ Батурина* [АХУ, II LXII 1579]; *Дѣялось, господа наши, нынѣшнего 112, въ Покровъ святей Богородицы, пошоль еслие, господа наши, къ Колмогорамъ* [АХУ, II ССХХIV, 1603]; *Дѣялось нынѣ, 110 лѣта: въ чистой понедѣльникъ пошоль если, господине, на Веригино и въ Ромашево купити ржи и скотиново корму.* [АХУ, II ПССХVI 1602].

Статья, в которой челобитчик говорит о том, что его обидчик угрожает и впредь делами недобрыми, имеет довольно устойчивый лексический состав. Как правило, используется глагол *хвалиться (похваляться)*, после чего следует перечисление обещаемых действий: *убийством, грабежемъ и т.п.*: *Да и впредь тотъ Степанъ на меня Гришка похвалился убийствомъ и всякими делами недобрыми* [АХУ, III 40, 1627]; *Да и впредь онѣ на меня похвалились убийствомъ, и грабежемъ, и подметомъ, и поклепомъ, и всякими недобрыми дѣлы* [АХУ, III 66, 1629]; *Да і впредь, государь, тотъ Ларионъ да и з братомъ своимъ похваляется на насъ старцевъ и на слугъ монастырскихъ, и на крѣстьянъ ...убийствомъ и поклепомъ, и подметомъ, и пожегомъ, і всякими недобрыми делами* [АХУ, III 60, 1628]; *і впредь, государь, тѣ люди Поспѣлъ съ товарищи и съ своими родимцы и з заговорицки похваляюща на меня попа и на братью и на скоть и на животъ убийствомъ, и бесчинствомъ, и подметомъ, и поклепомъ и пожегомъ, і всякими дѣлы лихими* [АХУ, III

55, 1628]; и *впредь похваляются тем же боем и грабежем, и смертным убойством, и подметом, и пожегою, и всякими лехими делы* [КЧ, 93]; [АХУ, II ССCLII, 1649].

В некоторых случаях в данный фрагмент включались элементы разговорного характера: *Да и впредь онъ Грибуша на меня Митрошку хвалитцо всякимъ недобрымъ дѣломъ, и напрасной продажей, и на меня убійствомъ, а я человѣченко одинашно, на пашишко волочюсь одинъ* [АХУ, II 719, 1634]; *Да и впредь тотъ Ѳедотъ хвалице на насъ, сиротъ твоихъ государевыхъ, всякими недобрыми дѣлы, татбой и разбоемъ и поклепомъ, и подметомъ, и засѣченьемъ, и зарѣзаньемъ, и нѣтъ намъ сиротамъ отъ него Ѳедота ни проходу, ни проѣзду* [АХУ, II ССCLIII, 1649].

Встречаются документы, в которых вместо *хвалиться* (*похваляться*) используются глаголы *угрожать*, *уграживать*: *И впредь он мне угрожает смертным убийством* [КЧ 130]; *и впредь мнѣ Еремкѣ, Ивашику угроживаетъ всякими грозами и убийствомъ и порчами* [АХУ, III 41, 1627]. В такого рода синонимах *хвалиться* (*похваляться*) и *угрожать*, *уграживать* прослеживается функционально-стилистическая противопоставленность: *угрожать* представляло собой народно-разговорное слово, а *хвалиться* (*похваляться*) – термин делового языка. [Майоров 1987: 7].

Формула – предупреждение о возможном исполнении угроз является довольно устойчивой по своему содержанию, но в ее оформлении и лексическом составе можно отметить некоторые варианты: 1) *И будет, государь, то-то то-то случится, и те люди убойцы и супостаты* и т.п. Например: *И буде, государь, впредь мнѣ попу или братье моей учинится безвѣстная смерть или животу нашему учинитца какая проруха, и тѣ люди намъ убойцы и супостаты* [АХУ, III 55, 1628]; *А что впредь мнѣ Томилку отъ того пономаря учинится убийство отъ ево похвальныхъ речей, и онъ мнѣ убойца и впредь истецъ* [АХУ, III 27, 1626]; *Индѣ буде мнѣ Левке или брату моему учинитца безвѣстная смерть или какая проруха ни буди, ино тотъ Шорохъ убойца и душегубецъ и грабежцыкъ* [АХУ, III 37, 1627]. 2) *И будет, государь, то-то то-то случится, и кроме того человека на себя супостата не знаю*. Например: *И будетъ что намъ случитца которому безвѣсная смерть, и кроме того Зотѣя, на себя супостата не знаемъ* [АХУ, III 41, 1627]. 3) Третий вариант оформления имеет две разновидности: а) *И будет, государь, то-то то-то случится, и кроме того человека на себя супостата не знаю: он мне супостат и убойцы*. Например: *И будетъ, государь, надо мною какая безвѣстная смерть учинитца, и окромѣ, государь, его Шумила и брата его Прокопья на себя иныхъ супостатъ никто не вѣдаю: онѣ мнѣ и убойцы* [АХУ, III 77, 1629]; *И впредь, государь, какова надо мною незгода учинитца, и я oprичь того Роспуты Романова на себя супостата не знаю ... и во всякомъ недобромъ дѣле тотъ мнѣ Роспута супостатъ и убойца* [АХУ, III 129, 1634]. б) *И будет, государь, то-то то-то случится, те люди убойцы супостаты: кроме нихъ другихъ супостат не знаю и не ведаю*. Например: *И будетъ государь, мнѣ Кирилку гдѣ случитца безвѣстная смерть или скоту нашему, ино тотъ Семень и съ сыномъ своимъ и убойцы ...и oprочѣ, государь, того Семена съ сыномъ, супостата на себя не знаю и не вѣдаю* [АХУ, III 25, 1626]; *И будетъ, государь, гдѣ мнѣ Мишке случитца безвѣстная смерть или скотишку моему ... ино тотъ, государь, Семейка съ сыномъ своимъ Степанкомъ мнѣ Мишке и убойца и скотишку моему ... и oprочѣ, государь, язъ Мишка того Семейки съ сыномъ супостата на себя не знаю и не вѣдаю* [АХУ, III 45, 1627]; *И будетъ мнѣ Васке где безвесная смерть случитца, и тотъ Оторой з братьями супостаты мнѣ и убойцы ... я Васка, oprоч ихъ супостата не знаю на себя* [АХУ, III 54, 1628].

Наблюдения над лексическим составом явочных челобитных позволяют сделать вывод о том, что он неоднороден. В тех случаях, когда речь идет о совершении каких-либо действий, их оценки, используются достаточно точные формулировки, отличающиеся устойчивым лексическим составом. Например, когда речь идет о хищении какого-либо имущества, используется наречие *грабежем*: *а грабежемъ съ меня з головы схватилъ шапку, по отласу по бѣлому золотом шито ...* [АХУ, III 86, 1631]; *и шель въ казенную келью и коробью казенную разломалъ, изъ коробы денегъ казенныхъ грабежемъ вынялъ двадцать три рубля двѣ гривны ... а грабежемъ, государь, съ него сорвали крѣсть серебряной ...* [АХУ, III 60, 1628]; *и взяли у меня у Микитки грабежемъ съ поварни свѣзли четырнадцать бочекъ вина полные* [АХУ, III 90, 1632]. Данная лексема употребляется также и в сочетании с наречиями *самовольством*, *сильно* и т.п., чем подчеркивается незаконный характер совершаемых действий: *приещалъ тотъ попъ Савинъ да диечекъ Тимоѣий со многими людьми съ невѣдомыми ко мнѣ въ деревню на Павшино грабежемъ, и у клети замокъ сломали и взяли изъ клети своимъ само(во)лствомъ и грабежемъ однорядку да шапку, да шупунъ* [АХУ, III 107, 1632]; *онъ Шумило съ тѣмъ своимъ братомъ съ Прокопьемъ ... унесли изъ дворишка силно грабежемъ чюжово платья и моего две рубашки золотомъ шиты* [АХУ, III 77, 1629]; *Да оне жь, государь, Олексиевы приказные съ половниками унесли грабежемъ и насильствомъ съ ослищъ и съ огородовъ сто локоть полотенъ* [АХУ, III 126, 1634]. Вариант: *а меня сироту твоего тѣмъ своимъ грабительствомъ учинилъ безъ сибирского промыслу и безъ торгу* [АХУ, III 112, 1633]. Только в редких случаях встречаются нетрадиционные разговорные элементы: *жена ево Анна съ половниками своими и съ потановици(ки) своими жь ... воровски украдомъ по чюжымъ гумнамъ рожь мою измолотила три овина безъ твоего великого государя указу* [АХУ, III 245, 1665]; *тотъ человекъ мой Тренка Ермолаевъ з женою своею ... изъ дворенка моего сошелъ, не отпрашався у меня холопа твоего, ... и платье, государь, и иную рухлядь пократчи поносить съ собою* [АХУ, III 81, 1630].

Факт противозаконности совершаемых действий может быть выражен с помощью наречия *сильно*: *и тотъ Миня съ товарищи своими у насъ у меня Вешнячка и у товарищевъ моихъ, владѣть, сверхъ деловые записи, пашенною землею сильно* [АХУ, III 69, 1629]; *тотъ же Дмитрей з братиею порубал меня Якимка бѣлочнымъ окладомъ силно* [АХУ, III 76, 1629]; *и тое, государь, лошади мерина моего и по Сю пору не отдаеть, владеть силно* [АХУ, III 181, 1641]. Также употребляются слова *своим самоволством*, *насильством* и их сочетания: *И тое твоей государевы службы они своимъ самовольствомъ служить не похотѣли* [АХУ, III 202, 1652]; *и тотъ Дружина скотомъ своимъ въ поляхъ гобину мою всякую, рожь и ярь, травить да і въ пожняхъ моихъ своимъ насилствомъ, а невѣдомо почему. И тот, государь, Дружина, приходя къ моему двору деревни Заямькучья, насильствомъ своимъ двери у клевовъ сечеть* [АХУ, III 70, 1629]; *тотъ же Дмитрей з братьею деревнишко мое порубали бѣлочнымъ окладомъ силно, самоволствомъ* [АХУ, III 87, 1631]; *тотъ попъ Петръ у Леонтья Ростовского чудотворца у церкви Божіи служитъ своимъ самоволствомъ безъ мирскихъ людей слова и хлѣбъ емлетъ ружной насильствомъ же* [АХУ, III 182, 1641]; *и столбы и повѣть и переклады мои Сидорковы постѣкъ и оботесалъ своимъ самоволствомъ силно... И тотъ Сергей мою Сидоркову землю дворовую и огородишнюю сузилъ своимъ насилствомъ* [АХУ, III 85, 1631].

Совершаемые насильственные действия могут характеризоваться с использованием наречия *нахвально*: *и тѣ люди у насъ бревна пожгли жь нахвально, изгоняючи насъ нищихъ*

[АХУ, III 59, 1628]; и тѣми бѣ нашими жывоты онѣ Яковѣ нахвално же завладѣлъ [АХУ, III 251, 1680].

Для характеристики лиц, совершаемых незаконные действия, используется сочетание *учинились силны: И они Нанѣ Емельяновѣ съ товарищи твоего государева указу не послушали, учинилися силны* [АХУ, III 202, 1652]; тотѣ архимарить и земские судейки Осипѣ съ товарищи... тѣхъ моихъ денегъ не плачивали, чинятца силны [АХУ, III 189, 1646]. Используются и сочетания *учинился силен и непослушен, силен и самоволен*, после чего следует пояснение более частного характера: *И онѣ Семенѣ твоего великого государя указу учинился непослушенъ, силенъ: соцкого и понятыхъ отъ всего отбилъ хлѣба и с на записать не далъ а хлѣбъ перемолотилъ и къ себѣ сносилъ и сена перевозилъ* [АХУ, III 248, 1672]; *великого государя грамотамъ чинятца они старцы силны и непослушны* [АХУ, III 241, 1665]; *И онѣ Андрей тое митрополичи грамоты не послушалъ, учинился силенъ и самоволенъ ... и хлѣбъ с церковные земли ... емлетъ самоволно, а не по святительскому указу ...* [АХУ, III 204, 1653-1654].

Сообщение о нанесенных убытках в документах данного вида может быть представлено довольно устойчивой фразой: *и въ томѣ мнѣ чинятца убытки великие* [АХУ, III 130, 1635; 147, 1636; 156, 1638; 162, 1639].

Во многих случаях данная формула имеет более распространенный вид. В ее состав вводятся дополнительные сведения, поясняющие причины нанесения убытков. Например: *и въ томѣ, государь, ихъ насилстве и въ лишиномъ окладе и въ наметныхъ денгахъ чинятца убытки великие* [АХУ, III 87, 1631]; *и намъ охотничикамъ въ ихъ нерозплате, въ волоките, въ недопашке, і въ безпромыслице, і въ заемныхъ долгахъ чинятца убытки великие* [АХУ, III 142, 1636]; *і въ томѣ, государь, ихъ лишиномъ бѣлочномъ окладе і въ наметныхъ бѣлкахъ чинятся мнѣ убытки великия* [АХУ, III 76, 1629]; *и мнѣ Сидорку въ его въ Сергиеве изтесненіе і въ насилствѣ въ земляномъ чинятца убытки великия и недопашка огородишная* [АХУ, III 85, 1631]. В челобитной монастырской братии о невыполнении постановления братского собора старцем и священником того же монастыря читаем: *и святому мѣсту убытки чинятся великие отъ ихъ вражды* [АХУ, III 58, 1628].

Встречаются и варианты данной формулы, где глагол *чинятся* заменяется глаголом *ставятся*: *і въ томѣ его насилствѣ ставятца намъ отъ него убытки великие* [АХУ, III 64, 1629]; *и мнѣ Мишке отъ того брата Олѣера ставятца убытки великие* [АХУ, III 113, 1633]. В другом случае в составе формулы наряду с существительным *убытки* используется существительное *изгони*: *и тѣмъ онѣ Андрѣи своимъ насилствомъ и озорничествомъ мнѣ сиротѣ чинить изгони и убытки великие* [АХУ, III 204, 1653-1654].

Нередко сообщение о нанесении убытков связывается с моментом возможной гибели для челобитчика: *И мнѣ, государь, въ томѣ отъ нихъ въ беспромыслицѣ і въ бесторжницѣ отъ хозяина своего чинятца многие убытки і въ конецъ погибаю* [АХУ, III 133, 1635]; *а язъ сирота въ томѣ дѣле погибаю напрасно, и чинятся мнѣ убытки великие* [АХУ, III 176, 1640]; *И я Иванко въ томѣ отъ нихъ обнищаль и задолжалъ великимъ долгомъ въ ихъ насилстве и въ конѣцъ загибѣ, деревнишекъ своихъ отсталъ въ ихъ нерозплатехъ, что исъ кабалъ изъ ростовъ, изъ убытковъ не вынимають; и въ томѣ мнѣ отъ нихъ чинятся убытки великия* [АХУ, III 65, 1629].

В некоторых документах стандартная формула о нанесении убытков не употребляется, а звучит лишь мотив гибели челобитчиков и тех отрицательных последствий, к которым привели действия обидчиков. Например: *и нынѣ я сирота отъ нихъ игумена Ионы*

з женишкою помираем голодною смертию и до конца загиблъ [АХУ, III 235, 1662]; *і въ томъ я сирота твой отъ нихъ старцовъ з женишкою и з дѣтишками помираю по вся дни голодною смертию, до конца загиблъ* [АХУ, III 241, 1665]; *і въ томъ я сирота отъ тѣхъ людеі и отъ ихъ великово непослушанья обнищаль и оскудаль, въ конецъ загиблъ* [АХУ, III 180, 1641]; *і отъ того, государь, ихъ Ярославов да Леонтьева з братомъ и Иванова отъ ихъ всѣхъ насилства мы сироты твои обдолжали и обсиротали, въ конецъ до основания погибли і твоего государева тягла съ мирскими людьми отбыли* [АХУ, III 199, 1650]; *и ныне я богомолецъ твой царской отъ того накупного силного человека отъ Федора и отъ ево насилства, и отъ его ложного челобитья въ хлѣбной і въ деревенской недопашке і въ сенной непоставке, і въ скотской гибели съ великихъ убытковъ до конца загибъ и обдолжалъ и з домомъ своимъ разорился* [АХУ, III 245, 1665]; *А мы сироты твои государевы отъ его Силина насилства обнищали и задолжали, и въ конецъ загибли, и съ тое деревни твоихъ государевыхъ податей окупать нечемъ и на правеже погибаемъ* [АХУ, III 222, 1659]; *и меня сироту твоего з дѣтишками своими тѣхъ вѣдомые воры Коземка съ товарищи своимъ разбоемъ и воровствомъ до конца погубили* [АХУ, III 229, 1660].

Фрагменты аналогичного содержания могут иметь и разговорный характер: *і отъ того ихъ насилства въ запасной недокупке монастырь нашъ скудѣеть і братья голодомъ помирають* [АХУ, III 221, 1659]; *і нынѣ я бѣдная до конца загибла: по вся дни плачу, нага и боса, и помираю голодною смертию, и къ церкви Божіи выти помолитца Богу стало не въ чемъ, и побралъ онъ мужъ мой у меня бѣдные платьишко мое и статки* [АХУ, III 225, 1659]; *и тѣмъ твоимъ царскимъ жалованьемъ малымъ кормомъ мнѣ холопу твоему съ бѣдною вдовою съ матушкою и съ людишками прожить и прокормиться не возможно, и передъ своею братьею оскорбленъ* [АИ, III 243].

Фрагменты содержательной части челобитной, включающие в себя описания побоев, отличаются значительным разнообразием. Однако и здесь можно выделить довольно устойчивые языковые элементы. Активно используется сочетание глаголов *бить* и *увечить* (*изувечить*): *и он, старец, за то нас, сирот своих, бил и увечил, и головы нам пробил до руды* [КЧ № 36]; *и в паперти, государи, учили с ним, Иваном, о торгах и о промыслах считатись. И тот Иван учал меня бить и увечить, и по щекам кулаки бил, и с ног збил* [КЧ 116]; *а насъ, господа, тотъ Посникъ билъ и изувѣчилъ на вѣкъ* [АХУ, II ССЛIII 1608]; *и как я, государи, пошел из паперти вон, и тот Иван Мизя в дверях папертных бросился на меня и с ног збил, и в лежач учал бить и топтуны топтать, и изувичил долконца* [КЧ 118].

Также используются выражения *голову пробить до крови* (*до руды*): *пришел он, Стефан, вызвал меня, сироту, в поле и почал меня колом бить и увечить и голову пробил до крови, плечо и руку избил до синов* [КЧ 130]; *бороду дратъ* (*выдрать*): *билъ меня сироту и бороду дралъ* [АХУ, II ССCLXII 1657]; *билъ онъ Матѣей меня, сироту твою, и увѣчилъ нахвално, и окровавилъ, и головою моею въ трапезную стѣну стукаль, и бороду выдрал* [АХУ, II CLXXXI 1674]; *за горло давитѣ*: *и они за те мои слова, что я их от дурна унимал, стали меня бить и за горло давить* [КЧ, 227]; *и за волосы драли, и за горло давили* [КЧ, 194 1676].

В некоторых случаях такого рода фрагменты носят разговорный характер: *и тот Григорей стал ногами топтать и харкать и в глаза мне плевать. И по щеке меня ударил неведомо за что. И брат мои Иван Мизя тово Григоря прочь отпехнул* [КЧ, 117].

Просительная часть явочных челобитных включала в себя просьбу о регистрации документа. Однако наряду с традиционной формулой *вели, государь, мое челобитье и явку*

записать встречаются варианты: *и вамъ бы въ томъ было явно и вѣдомо* [АХУ, II 118 1579]; *и вамъ бы, господа, было явно и вѣдомо* [АХУ, II 720 1634]. Рассматривая вариативность формул заключительной части, С.С. Волков отмечал, что «обилие вариантов формул просительного раздела свидетельствует и о меньшей обученности, профессиональности авторов (писцов), писавших эти акты, а следовательно, о большем проявлении здесь стихии разговорной речи, и о стремлении авторов и писцов с помощью отступления от трафаретов добиться большего воздействия на адресата, побудить его к выполнению просьбы». [Волков 1972: 93]. Такую точку зрения подтверждает и А.П.Майоров: «Действительно, такие формулы, как *и вамъ бы, господа, моя явка и нужда была явна и в ведомее; люди добрые, послушайте; послушайте, бога ради* достаточно близки к синтаксису разговорной речи, а в последних формулах наблюдается не свойственная деловой речи экспрессивная окраска» [Майоров 1987: 6].

Формула конечного протокола в целом выдерживалась в рамках приказной письменной традиции: *царь государь, смилуйся, пожалуй*. Однако в северновеликорусских челобитных встречаются варианты разговорного характера: *такова, господа моя, явка наша* [АХУ, II 527 1600].

На наш взгляд, использование элементов народно-разговорной речи в деловых текстах навряд ли можно объяснить малограмотностью, недостаточной выучкой писцов. Как правило, использование иностилистических языковых средств обусловлено определенными причинами, в том числе информативного свойства (в тех случаях, когда необходимо внести дополнительные пояснения, сведения, для обозначения которых каких-либо специальных формул не предусмотрено). Часто разделить «обработанную» и «необработанную» речь невозможно - письменная фиксация есть сама по себе уже ее обработка. Важно принять во внимание то обстоятельство, что текст делового содержания может отражать речевой акт в его устной форме – интонацию, синтаксическую структуру устного высказывания, содержать разговорные слова, но вместе с тем данный текст в полной мере может представлять деловую речь как функциональную разновидность языка. Кроме того, фрагменты разговорного характера (в частности, казусного раздела челобитных) включают в себя формулы, элементы, характерные для деловой речи. Со всей очевидностью здесь проявляется стремление к единообразию и устойчивости.

Таким образом, можно сделать вывод о сложном взаимодействии делового языка и народно-разговорной речи в документах данного вида. Формирование узувальных норм делового языка XVII века происходило при значительном влиянии и авторитете центральных приказов, что нашло отражение в оформлении документов и использовании языковых средств.

Литература:

1. Волков С.С. 1972 Лексика русских челобитных XVII века. Ленинград.
2. Майоров А.П. 1987 Явочные челобитные как памятники русского языка XVI – XVII в.в. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Москва.

Список сокращений:

АИ – Акты исторические. Сибр. и изд. Археографической комиссиею. Т. I – III, СПб, 1841, т. IV, СПб, 1842.

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. I – III, РИБ, т. 12, 14, 25. СПб, 1890 – 1908.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссией под ред. Н. Калачова. Т. I – III. СПб., 1857-1884.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

КЧ – Крестьянские челобитные XVII века. Из собраний Государственного Исторического музея. М: Наука, 1994.

МДБТ – Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.